

МАНУСКРИПТ ВОЙНИЧА ВСПЫШКА

Ольга Тимофеева

Манускрипт Войнич. Вспышка

«Автор»

2026

Тимофеева О.

Манускрипт Войнича. Вспышка / О. Тимофеева — «Автор»,
2026

Шестьсот лет манускрипт Войнича пытались прочитать лучшие умы времени — и каждый уходил ни с чем. Военные шифровальщики, нобелевский лауреат, десятки исследователей бились над одним вопросом. А что, если искали шифр там, где лежала инструкция? Манускрипт хранится в Йельском университете и доступен к скачиванию: растения, каких нет в природе, звёзды без узнаваемых созвездий, письмо, не совпадающее ни с одной системой письменности на Земле. Что, если это не шифр, а протокол, которым однажды придётся воспользоваться снова? Загадка реальна. Вымышлена только команда, прочитавшая книгу правильно, потому что эпидемия не оставила ей выбора: болезнь, которую не могут ни назвать, ни остановить, счётчик растёт быстрее диагнозов, а у ботаника, климатолога и лингвиста нет времени на осторожность. У них шесть веков чужих ошибок и одна догадка — спасти город или потерять всё. Откройте манускрипт рядом с книгой и решите сами: перед вами тайна, или то, что уже сотни лет ждет нового прочтения.

© Тимофеева О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О манускрипте Войнич	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2. Марк	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Тимофеева

Манускрипт Войнич. Вспышка

МАНУСКРИПТ ВОЙНИЧА

Вспышка

Роман

Ольга Тимофеева

О манускрипте Войнича

Двести сорок страниц пергамента, исписанных языком, который не соответствует ни одному известному алфавиту, ни одному живому или мертвому языку из тех, что пытались к нему применить. Радиоуглеродный анализ, проведенный в 2009 году в лаборатории Аризонского университета методом ускорительной масс-спектрометрии, датировал пергамент периодом с 1404 по 1438 год.

Палеографический анализ почерка выявил не менее пяти разных людей, работавших над текстом.

В тексте четыре раздела: травник с изображениями растений, которых не существует ни в одном ботаническом атласе, астрономический раздел с зодиакальными кругами, раздел с обнаженными фигурами в трубах и бассейнах, назначение которого не разгадано, и рецептурный блок, похожий на фармацевтические записи.

С тысяча девятьсот двенадцатого года, когда манускрипт приобрел антиквар Уилфрид Войнич, давший ему свое имя, его пытались расшифровать лингвисты, криптографы, военные шифровальщики и один нобелевский лауреат. Ни одна версия не подтвердилась.

На сегодняшний день манускрипт хранится в библиотеке редких книг Йельского университета, под номером MS 408, и доступен для просмотра. Прочитать его не смог никто.

Пролог

СЕВЕР. 1441 ГОД.

Земля здесь не оттаивает даже в июле, и он выбрал это место именно поэтому. Если бы кто-нибудь спросил его напрямую, зачем, он бы, наверное, соврал. Правду говорить вслух в такую ночь казалось опасным, будто сама темнота могла подслушать и запомнить.

Ночь стояла безветренная, что здесь, на открытой равнине, случалось редко и потому воспринималось почти как знак. Ни один звук не долетал издалека, ни единого шороха, кроме собственного дыхания, застывавшего белым облаком перед лицом и медленно оседавшего инеем на воротнике. Небо было таким ясным и таким плотно засыпанным звездами, что казалось нависшим, слишком близким для человеческого масштаба. Звезды не мерцали, а стояли ровно, словно сами застыли в морозном воздухе, так же как застывало все живое в этих краях, стоило солнцу скрыться за горизонт хотя бы на час. Земля под ногами звенела при каждом шаге, промерзшая настолько, что даже сквозь толстые сапоги отдавала холодом, поднимавшимся вверх по ногам, как отдает холодом камень, пролежавший века в тени.

В руках у него был сверток, обмотанный тканью его собственной работы, узел на каждом обороте. Он старался не думать о том, что внутри, потому что стоило подумать об этом слишком ясно, и руки начинали дрожать, а дрожащими руками такое дело не делают. Руки эти, огрубевшие за десятилетия растирания трав и корней, покрытые вьевшимися пятнами, что не отмывались уже никаким щелоком, выглядели куда старше, чем позволял бы возраст, известный только ему самому.

Три года он ждал этой ночи. Три года считал звезды, как считают дни до казни, и вот теперь звезды встали именно так, как должны были, и отступать было поздно, да и некуда.

Яму он вырыл заранее, пока земля еще поддавалась лопате, потому что знал по опыту: подожди неделю, и копать придется топором. Он опустил сверток на дно и постоял немного, глядя на него сверху, как смотрят на что-то спящее, что лучше не будить раньше времени.

— Ты не проснешься сейчас, — сказал он, и голос его прозвучал в пустом поле неожиданно громко, так что он сам вздрогнул. — Ты проснешься, когда земля станет такой же теплой, какой была до льда. Тогда тебя найдут те, кому это будет нужно так же, как нужно мне сейчас.

Он не был уверен, что говорит это свертку. Может быть, он говорил это себе.

Земля легла на ткань неохотно, точно чувствовала подвох. Потом снег лег на землю куда охотнее.

Он ушел, не оглядываясь, хотя каждая клетка тела требовала оглянуться, и это желание оглянуться было, пожалуй, самым человеческим, что он испытал за весь тот год.

К утру снег стер все следы.

Глава 1

Яна ненавидела понедельники, но не так, как ненавидят их люди в офисных комедиях, с тяжким вздохом и вымученной улыбкой. Она ненавидела их конкретно, специфически, всем своим существом, потому что по понедельникам приходили результаты, а результаты иногда содержали вещи, которые потом снились неделями.

Сегодняшний понедельник обещал быть скучным, и в девять утра ничто в нем этого обещания не нарушало. Обычная партия проб, скинутая на почту еще в пятницу, кофе, выпитый стоя, потому что сидеть на месте дольше десяти минут она разучилась года два назад. Примерно тогда же отец начал заново учиться держать вилку правой рукой и звонить ей по три раза на дню просто чтобы услышать, что у нее все в порядке.

Она натянула старый вязаный кардиган поверх рабочей рубашки, тот же, что носила третий год подряд, растянутый на локтях. Пахло от него не духами, а сухими травами и чем-то слабо спиртовым, тем стойким лабораторным запахом гербарных образцов, что не выветривается из шерсти, сколько ее ни стирай. Темные волосы она стянула в узел одним привычным движением, не глядя в зеркало, руки давно знали это движение лучше, чем знали покой.

Ногти у нее были короткие, неровно обкусанные у самого края, привычка, тянувшаяся с детства и пережившая все попытки от нее избавиться. Горькое масло, которым мать красила ей ногти в восемь лет, перчатки, которые она демонстративно снимала под партой в школе, специальный дорогой лак из аптеки, обещавший отучить за месяц и продержавшийся на ней меньше недели, все прошло мимо. К институту она смирилась настолько, что перестала прятать руки на встречах, решив, что обкусанные ногти куда менее позорны, чем постоянные попытки их спрятать. Грызла она их не от волнения в привычном смысле, а в моменты, когда мысль работала быстрее, чем успевала осознать себя, будто руки таким образом освобождали голову от лишнего напряжения.

До института она шла пешком, двадцать минут через полгорода, привычка, оставшаяся с тех пор, как решила, что утренний воздух полезнее лишних пятнадцати минут сна. Белогорье, город, в котором она прожила всю жизнь, не был ни особенно красив, ни особенно уродлив, а был тем, чем обычно бывают такие города на бывшей приграничной земле. Старое ядро досталось в наследство от прежних хозяев этой земли, те самые двухэтажные дома с черепичными крышами, которые власти любили показывать на открытках. За советские десятилетия это ядро обросло промышленными окраинами, панельными новостройками и торговыми центрами, так что теперь старое и новое существовали не как единая картина, а как два разных города, случайно оказавшихся в одних границах. Институт стоял на границе этих двух эпох, в здании шестидесятых годов, чьи окна выходили одной стороной на реку, а другой на бетонную коробку торгового центра. Этот вид, наполовину черепица, наполовину бетон, казался ей самым честным символом города, в котором она выросла. Город не выбирал между старым и новым, а просто существовал между ними, не особо заботясь о цельности картины.

Он позвонил вчера. Спросил про новое лекарство, то самое, которое обещали в клинике взамен старого, переставшего работать два года назад так внезапно, будто кто-то щелкнул выключателем. Яна ответила ему что-то ободряющее и неопределенное, потому что правда была короче и хуже: замены пока не существовало, а искать ее приходилось ей самой, между делом, урывками, ночами, когда сон не шел все равно.

Про плато она не думала. Про геолога, который пропал там несколько недель назад и о котором в новостях сказали ровно один раз, коротко и как-то неохотно, она вспомнила разве что мельком, когда листала ленту в обеденный перерыв. И тут же забыла, потому что мало ли пропадают людей в местах, где зимой минус сорок, а связи нет вовсе.

В институте день шел своим чередом: коллега из соседнего кабинета зашла одолжить пипетки, кто-то в общем чате жаловался на сломанный кофейный автомат. Обычная будничная возня, из которой состоит девяносто процентов работы, о которой потом никто не пишет в резюме.

Она думала про то, что нужно успеть в аптеку до восьми, и про то, что вечером, наверное, опять не хватит сил разобрать почту, скопившуюся за выходные.

Обычный день. Из тех, что потом вспоминаешь только потому, что именно в такой день все и началось, а сам ты этого, конечно, знать не мог.

Где-то далеко на севере, в земле, которая шестьсот лет держала слово, начиналась оттепель, и слово это земля, кажется, помнить не собиралась.

Глава 2. Марк

Марк любил свою работу за то, что в ней почти не было хаоса. Каждое утро он приходил в кабинет на седьмом этаже, включал три монитора, заваривал чай в одном и том же стакане. К девяти у него уже была раскладка дня: входящие сводки по регионам, красные и желтые флажки на карте, встречи, где нужно было либо утвердить, либо остановить чье-то решение. Хаос существовал где-то снаружи, в мире, где люди принимали импульсивные решения и потом расхлебывали последствия. Его работа заключалась в том, чтобы такие решения не доходили до его уровня непроверенными.

Рубашки он гладил сам, вечером, накануне, ровно по одной складке на рукаве, и от свежeweыглаженной ткани в кабинете всегда чуть пахло крахмалом и утюгом, запах, который коллеги давно связывали с его появлением раньше, чем успевали услышать шаги. Часы на левом запястье были отцовские, механические, слегка тяжелые для его руки, и он заводил их каждое утро одним и тем же движением большого пальца, привычка, оставшаяся с тех пор, как отец подарил их ему на защиту диплома.

Ему было тридцать четыре, и он до сих пор мог восстановить по пунктам тот момент на третьем курсе, когда сформулировал для себя, чем хочет заниматься. Не лечением одного человека, а предотвращением на уровне процесса, где вовремя закрытая дверь означает спасенную не одну жизнь, а тысячу неизвестных ему людей сразу. Однокурсники расходились по клиникам, он же выбрал структуру, которую коллеги за глаза называли скучной бюрократией, а сам он для себя определял иначе: единственное место, где принятое решение масштабируется без потерь.

В то утро на его столе, среди прочих одиннадцати пунктов, лежала сводка с плато. Один абзац, стандартная форма: локальный инцидент, пропавший сотрудник геологической экспедиции, погодные условия неблагоприятные, повышенная влажность грунта нетипична для сезона. Внизу приписка от регионального эпидемиолога, у которого, судя по тону, приписка эта далась нелегко: данных было слишком мало для тревоги и слишком много, чтобы просто закрыть папку. Три работника той же экспедиции обратились с симптомами, не укладывающимися ни в один известный протокол.

Сухая формулировка ничего не говорила о самом месте. Марк кликнул по вложенным фотографиям для проверки и на секунду задержался на одной из них дольше положенного: серо-бурая равнина без единого дерева, тянущаяся до горизонта без единого ориентира, кроме редких палаточных лагерей, разбросанных так далеко друг от друга, что казались случайными пятнами на карте, а не частью одной экспедиции. Небо на снимке было того особого низкого, тяжелого оттенка, что бывает только в местах, где воздух не успевает прогреться даже в разгар короткого северного лета. Марк, привыкший к южным сводкам и городским кризисам, поймал себя на мысли, что это первая фотография из его практики, глядя на которую он физически ощутил холод, не переносный, а въевшийся в самую почву на снимке.

Марк прочитал абзац дважды, вникая в формулировку так, будто ее уже вынесли на согласование. В любой другой день он ограничился бы желтым флажком и стандартным запросом на дополнительные анализы, процедура рутинная, не требующая внимания сверх утренней рассылки. Но словосочетание «не укладывающимися ни в один известный протокол» задело его не как повод для тревоги, а как небрежность формулировки: он не терпел, когда специалист расписывался в собственном бессилии вместо того, чтобы предложить хотя бы одну рабочую гипотезу.

Он позвонил региональному эпидемиологу напрямую, минуя обычную цепочку через координатора.

— Что значит не укладывающимися, — сказал он вместо приветствия. — Дайте мне что-то конкретное, а не формулировку для отчета.

Голос на том конце звучал устало, человек явно не спал ночь.

— Температурная реакция без соответствующего возбудителя в стандартных панелях. Мы прогнали все, что есть в списке. Ничего не совпадает даже частично.

— Резистентность?

— Не резистентность. Отсутствие узнавания. Как будто панель ищет то, чего в природе не существует, а у нас перед глазами явно что-то существующее.

Марк помолчал, глядя на карту на втором мониторе, где плато было обозначено маленькой серой точкой среди десятков таких же точек по всей территории, за которую отвечала его структура. Серая точка ничем не отличалась от прочих серых точек. Именно это его и беспокоило: серый цвет означал, что событие пока не заслуживает эскалации, а формулировка эпидемиолога заслуживала.

— Держите меня в копии по этому кейсу лично, — сказал он. — Не через общую рассылку.

Он положил трубку и заметил, что барабанит пальцами по краю стола быстрее обычного, привычка, которую он себе запрещал на совещаниях и не всегда успевал отследить наедине с собой. Убрал руку со стола, сцепил пальцы в замок, вернулся к остальным десяти пунктам своего дня.

К обеду плато выпало у него из головы, вытесненное более срочным пунктом: региональный запрос на закрытие финансирования небольшого архивного проекта, курировать который поручили именно ему как человеку, умеющему принимать непопулярные решения без лишних сантиментов. Проект касался систематизации личных материалов ученого, чья работа десятилетия назад была признана неактуальной, архив занимал место и бюджетную строку, которую давно предлагали освободить. Марк подписал согласование, даже не открыв опись материалов целиком, пролистал только сводный реестр, задержавшись на секунду на имени, показавшемся смутно знакомым, хотя он не смог бы сказать, откуда.

Он не запомнил это имя. У него в тот день было еще девять пунктов, и ни один из них, на первый взгляд, не был связан с другим.

Уходя вечером, он на секунду задержался у стола коллеги из соседнего кабинета, которая уже второй час не могла разобраться с формулировкой очередного межведомственного запроса, и молча поправил ей одну строчку, ту самую, что делала документ неоднозначным для юридического отдела. Коллега поблагодарила его с той усталой благодарностью, с какой благодарят человека, чья помощь стала настолько привычной, что ее уже перестают замечать как одолжение.

Глава 3

Двадцать три года назад, в подвальном хранилище университетской библиотеки, где отопление работало через раз, а свет автоматически гас каждые пять минут, если не махать рукой перед датчиком, Сергей Валентинович Ремизов сидел над стопкой ксерокопий и черновым переводом. Переводил он сам, по вечерам, без гранта, без соавторов, без всякой надежды, что кто-то отнесется к этому серьезно.

Днем он занимался тем, за что ему платили: консультировал региональную санитарную службу по вопросам, которые сам считал скучными, но необходимыми. Вспышки кишечных инфекций в летних лагерях, отравления несвежей рыбой на рынках, обычная рутина эпидемиолога средней руки в небольшом городе. Именно эта работа, а не академический интерес, впервые свела его с манускриптом. Коллега, разбиравший архив старого дела о локальной вспышке неясной лихорадки, в шутку показал ему распечатку страницы с растениями, каких не бывает, спросив, не напоминает ли это симптоматику того самого случая. Он тогда посмеялся вместе со всеми. Потом посмеялся не до конца, потому что рисунок отказывался выходить из головы.

Вечерами, когда официальная часть дня заканчивалась, он спускался в архивное хранилище университета, куда имел доступ как приглашенный консультант кафедры. Там он работал с разделом, который коллеги называли биологическим из-за фигур в трубах и бассейнах, и который сам он про себя называл разделом без названия, потому что ни одна из принятых версий не казалась ему верной. Расшифровка шла медленно, слово за словом, чаще методом исключения, чем настоящего понимания, и в тот вечер он наконец сложил связную фразу, первую за три месяца работы.

Он переписал ее в тетрадь обычной шариковой ручкой, потому что не доверял компьютерам того времени и боялся потерять файл.

«Не давай ему имени, пока не увидишь его дважды. Первый раз оно приходит как гостья, вторым разом как хозяйка дома. Раздели воду по числу дней, что покажет небо, и не начинай раньше срока, даже если руки просят начать».

Он перечитал фразу несколько раз, пытаясь понять, о чем она вообще. Языковой слой поддавался, а смысловой ускользал, и он списал это на характерную для средневековых текстов метафоричность, привычку заворачивать простые наблюдения в загадочные образы, потому что прямое высказывание в те века могло стоить головы. Гостья, которая становится хозяйкой дома, показалась ему поэтическим описанием какой-то болезни, вероятно, обычной, знакомой медицине того времени, лихорадки или чего-то подобного, просто записанной с театральным избытком.

На следующий день Ремизов показал перевод заведующему кафедрой, осторожно, как показывают вещь, за которую заранее стыдно.

— Занятно, — сказал заведующий, пролистав три страницы без особого интереса. — Но это не наша тема. У нас эпидемиология, а не медиевистика. Если хотите заниматься подобным всерьез, ищите грант где-то в другом месте, у нас таких строк в бюджете нет и не предвидится.

Он не стал спорить. Отложил тетрадь в папку с пометкой «неясные фрагменты, требуют климатических данных, которых нет» и перешел к следующей странице, где ждала более понятная, как ему казалось, ботаническая иллюстрация. Убеждал себя, что заведующий прав, что это действительно не его тема, хотя что-то внутри упрямо не соглашалось с этим выводом.

Убедить себя окончательно не вышло. Через полгода, когда в области случилась та самая вспышка, пятнадцать случаев за две недели, трое из них закончились смертью в первые дни, Ремизов узнал в симптоматике то же самое сочетание, что описывал переведенный фрагмент. Жар, приходящий как гостья, потом закрепляющийся, как хозяйка дома, отказывающаяся уходить. Он не смог промолчать во второй раз.

Региональную комиссию по чрезвычайным эпидемиологическим ситуациям он убедил выслушать его лично, через знакомого, работавшего в санитарной службе. Получил ровно пятнадцать минут в конце обычного совещания, между отчетом о вакцинации и вопросом о финансировании дезинфекционных бригад.

— У меня есть основания полагать, — начал он, разложив на столе распечатки страниц манускрипта рядом с клиническими картами заболевших, — что симптоматика этой вспышки описана в источнике пятнадцатого века, известном как манускрипт Войнича. Совпадение не по названию болезни, оно неизвестно, а по последовательности клинической картины и, что важнее, по указанию на климатическое условие возникновения.

В зале сначала было тихо, потом кто-то хмыкнул, не скрываясь, и смех, единожды начавшись, пошел по рядам с той готовностью, с какой смеются над коллегой, давшим повод почувствовать собственное превосходство.

— Простите, — сказал председатель комиссии, немолодой инфекционист, чей авторитет в области никто не оспаривал десятилетиями, — вы предлагаете нам лечить людей по нерасшифрованной рукописи, которую весь мир считает мистификацией уже сто лет?

— Я не предлагаю лечить. Я предлагаю проверить закономерность, прежде чем списывать вспышку на редкую спорадическую инфекцию, как было пятнадцать лет назад в соседнем районе, тоже без объяснения источника.

— Коллега, — сказал председатель, понизив тон, тем голосом, которым говорят с человеком, чье будущее в профессии решили пощадить, а не сломать окончательно, — идите домой, отдохните. У вас, вероятно, переутомление. Эпидемиологу вашего уровня не пристало искать ответы в оккультной литературе.

Смех в зале не был жестоким специально, был именно тем безобидным на первый взгляд смехом, каким смеются над человеком, слишком долго просидевшим над одной идеей в одиночку. Ремизов собрал распечатки, не поднимая взгляда, и вышел, провожаемый негромкими репликами, которые не были рассчитаны на то, чтобы он их услышал, но которые он услышал все равно.

После этого совещания за ним закрепилось прозвище, которое узнали даже те, кто не присутствовал в зале, «манускриптный доктор», произносимое всегда с той же интонацией легкой, необидной на вид насмешки. Финансирование дальнейших исследований, о котором он просил месяцем раньше, отклонили без объяснений через неделю. В личном деле появилась строка о «снижении профессиональной продуктивности», которую годы спустя прочитает совсем другой человек, в совсем другом городе, и не сразу поймет, что смотрит на зеркальное отражение собственной несостоявшейся ошибки.

Прошло двадцать три года. Тетрадь пролежала все это время в архивной коробке, сначала в его собственном кабинете, потом, после того как кабинет у него забрали, в общем хранилище, потом в цифровом реестре, куда материалы вносили без разбора качества, лишь бы освободить полки. Никто не открывал папку «неясные фрагменты» ни разу за все эти годы, кроме одного сотрудника архива, который в свое время бегло пролистал содержимое, не найдя ничего, что заслуживало бы отдельной карточки в каталоге, и вернул папку на полку.

Слово «гостья» в этой фразе значило не то, что предполагал переводчик двадцать три года назад. Не образ болезни вообще, а точное описание того, как ведет себя нечто, впервые появляясь в организме, прежде чем закрепиться в нем и остаться. Автор манускрипта не выражался метафорически. Он писал протокол для того, кто столкнется с этим снова, просто использовал единственные слова, которые были у него под рукой в пятнадцатом веке для описания того, чему тогда еще не придумали название.

Раздели воду по числу дней, что покажет небо. Не начинай раньше срока, даже если руки просят начать.

Через двадцать три года эта фраза окажется единственной подсказкой, объясняющей, почему первая попытка лечения, примененная слишком рано, не сработает так, как должна была.

Глава 4

Совещание называлось скучно: «координационная встреча по обновлению протоколов обмена биологическими данными между региональными лабораториями». Яна пошла на него только потому, что ее руководитель института в последний момент слег с гриппом и передал ей свое место в списке докладчиков, коротко предупредив по телефону:

— Там будет человек из структуры, который решает, дадут нам доступ к расширенной базе образцов или нет. Не спорь с ним при всех, даже если он не прав.

Марк сидел в третьем ряду с блокнотом, куда записывал не тезисы докладов, а вопросы, которые собирался задать после, привычка, оставшаяся с университета. Зал конференции, типовой гостиничный конференц-зал с рядами неудобных стульев и слишком ярким верхним светом, к одиннадцатому докладу успел заметно опустеть. Часть участников вышла размяться, часть демонстративно листала телефон, не скрывая усталости от четвертого часа подряд слайдов про протоколы хранения. Доклад Яны шел одиннадцатым по счету, время близилось к обеду, и она говорила о протоколе хранения образцов высокогорной флоры, о том, почему нынешние температурные стандарты не годятся для видов, адаптированных к резким перепадам. Краем глаза она заметила, как в середине третьего слайда человек в третьем ряду перестал писать и просто смотрит на экран.

После доклада, у стойки с кофе, которую организаторы поставили в фойе явно из вежливости, а не из щедрости, судя по количеству чашек, он подошел первым. За высокими окнами фойе стоял один из тех редких по-настоящему солнечных дней межсезонья, когда небо неожиданно расчищается после недели облачности. Яркий, почти летний свет, ложившийся на паркет длинными полосами, странно контрастировал с сухими докладами про температурные протоколы, которые весь зал только что слушал битый час.

— У вас в третьем пункте протокола противоречие, — сказал он вместо приветствия. — Вы предлагаете единый температурный режим хранения, но данные, которые вы же показали на пятом слайде, говорят, что оптимум разный для разных высотных поясов.

Яна не сразу поняла, восхищаться ей или защищаться.

— Это сделано специально, — сказала она. — Единый режим проще внедрить в региональных лабораториях, у которых нет ресурсов на дифференцированное хранение. Компромисс между идеальным и реализуемым.

— Значит, вы знали про противоречие и решили его не озвучивать.

— Не хотела тратить время зала. Это можно обсудить один на один, с тем, кому действительно важно.

Он посмотрел на нее чуть дольше, чем требовал разговор о температурных режимах, и она заметила, что уголок его рта дернулся, не совсем улыбка, скорее признание, что удар засчитан.

— Меня зовут Марк, — сказал он, протягивая руку. — Я буду смотреть заявки на расширенный доступ к базе. Включая вашу, я полагаю, судя по третьему пункту.

— Яна. — Она пожала руку, коротко, по-деловому, хотя рукопожатие вышло чуть более крепким, чем требовалось для протокольного знакомства. — И да, заявка уже в очереди.

— Я ее одобрю, — сказал он, — но с условием: вы перепишете дифференцированный режим отдельным приложением, не для всех лабораторий, а для тех, кто готов его внедрить. Не размывайте стандарт ради удобства тех, кто и так его не осилит.

Она не ожидала, что он ей это предложит вместо того, чтобы просто утвердить заявку формально, как делало большинство кураторов, с которыми ей доводилось иметь дело раньше. Это удивление, кажется, отразилось у нее на лице, потому что он добавил, чуть тише:

— Я читал ваши прошлые публикации, готовясь к сегодняшнему дню. У вас хорошая привычка не бояться неудобных данных.

— А у вас, кажется, привычка не бояться неудобных вопросов на публике.

— Только когда вопрос стоит того, чтобы его услышали все, а не только докладчик.

Кто-то из организаторов позвал участников возвращаться в зал, обед закончился быстрее, чем оба заметили. Марк убрал блокнот, где, как она успела краем глаза увидеть, помимо вопроса про третий пункт протокола, был записан еще один пункт, не относящийся к докладу напрямую: имя лаборатории, где она работала, и дата, видимо, для памятки связаться отдельно.

— Пришлите мне переработанное приложение до конца недели, — сказал он на прощание. — Я подпишу быстро, у меня как раз будет свободное утро в четверг.

Она кивнула, и уже направляясь обратно в зал, поймала себя на том, что запомнила не содержание разговора, а то, с какой точностью он формулировал возражения, без единого лишнего слова, без желания показать превосходство ради самого показа. Таких собеседников в ее работе попадалось немного, большинство либо соглашались слишком быстро, либо спорили ради спора.

По дороге домой тем вечером, застряв в обычной для этого часа пробке на въезде в город, она поймала себя на том, что дважды прокручивает в голове одну и ту же фразу, «у вас хорошая привычка не бояться неудобных данных». Она пыталась понять, что именно в ней зацепило больше, сам комплимент или то, что он потрудился прочитать ее старые публикации перед совещанием, которое для большинства кураторов было бы рутинной обязанностью, а не поводом готовиться заранее. Она сказала себе, что дело в профессиональном уважении, редкой вещи в ее области, и постаралась не задерживаться на этой мысли дольше, чем требовалось, хотя фраза продолжала всплывать еще несколько раз за вечер, некстати, между совсем другими делами.

Про плато, про архив, про то, что где-то в базе, доступ к которой он только что пообещал ей открыть, уже лежит сводка с непонятной температурной реакцией без узнаваемого возбудителя, ни один из них в этот момент не думал.

Глава 5

Новость попалась Яне не в ленте важных событий, а в узкой профессиональной рассылке, куда сваливались десятки писем в день и куда она заглядывала обычно раз в неделю, если вообще заглядывала. Тема письма звучала сухо, почти как шутка: «Необычная реакция локальной флоры на аномальное потепление грунта, предварительные данные, регион севернее обычной зоны наблюдений».

Она открыла его между делом, дожевывая бутерброд одной рукой, второй листая колесико мыши, готовая закрыть через десять секунд, если внутри окажется рутинная сводка. Из тех, что приходили каждую весну про смещение сроков цветения на неделю раньше обычного и оседали в архиве непрочитанными.

Внутри было не про сроки цветения.

Автор письма, полевой ботаник откуда-то с северной станции, писал сбивчиво, с извинениями за неформальный тон, что образцы растительности, собранные в районе прошлогодней геологической экспедиции, показывают морфологию, не укладывающуюся ни в один известный вид региона. Не мутацию в привычном смысле, писал он, а что-то похожее на признаки, которые ожидаешь увидеть у растений, переживших резкий и длительный температурный скачок. Только в данных метеостанций за последние годы такого скачка нет, есть обычное медленное потепление, вписывающееся в общий тренд.

Яна отложила бутерброд.

Она читала письмо трижды, каждый раз задерживаясь на одном и том же месте, где автор прикладывал два снимка среза стебля, до и после, и просил коллег с опытом высокогорной и приполярной флоры высказаться, потому что местная лаборатория ничего вразумительного предложить не смогла. Снимки были плохого качества, пересвеченные, явно сняты на телефон в полевых условиях, но даже так рисунок прожилок на втором снимке зацепил ее профессиональным чутьем. Тем самым, что заставляет останавливаться посреди обычного дня из-за детали, которую коллеги пролистали бы не глядя.

Она не могла вспомнить, где видела такой рисунок раньше. Ощущение было из тех, что крутится на языке и не дается, знакомое лицо в толпе, чье имя стерлось.

В обед она показала снимки коллеге по кабинету, немолодой женщине по имени Тамара Витальевна, тридцать лет проработавшей с гербарными коллекциями и считавшей, по собственному выражению, что видела уже все, чем способна удивить ботаника природа.

— Артефакт съемки, — сказала Тамара Витальевна, едва взглянув на экран, и вернулась к собственному чаю. — Телефонная камера в поле при плохом освещении дает такие узоры сплошь и рядом, пересвет плюс сжатие изображения. Я бы не тратила на это время.

— А если не артефакт?

— Тогда пусть присылает нормальный снимок с микроскопа, а не с телефона в минус двадцать. — Тамара Витальевна пожала плечами с той спокойной уверенностью человека, для которого тридцать лет практики служили достаточным основанием не сомневаться. — Полевые ботаники присылают такое раз в месяц. В девяти случаях из десяти это либо освещение, либо неопытность.

Яна не стала спорить, хотя спокойствие коллеги ее не убедило. Она написала автору короткий ответ, вежливый, профессионально сдержанный, предложила прислать более качественные снимки, если будет возможность. И заметила по себе, что печатает быстрее обычного, будто торопится успеть спросить прежде, чем письмо потеряется в общем потоке рассылки, прежде чем автор решит, что тема никому не интересна, и перестанет отвечать вовсе.

Ответа не было ни в тот день, ни на следующий.

К среде она уже почти забыла про письмо, вытесненное обычными делами, звонком отца, который снова спрашивал про новое лекарство, и отчетом, который нужно было сдать до пятницы. Мысль о рисунке прожилок всплывала иногда некстати, в дороге, в очереди, и каждый раз она отгоняла ее как нерешенный кроссворд, засевший в голове скорее по инерции, чем по-настоящему важный: мозг просто не любит незакрытых пустяков.

В четверг вечером, уже дома, с чаем, остывающим на краю стола рядом с ноутбуком, она все же открыла архив старых сканов, с которыми работала три года назад для статьи про адаптивные признаки у видов, переживших климатические аномалии. Просто чтобы закрыть гештальт, найти похожий паттерн прожилок и убедиться, что память ее обманула, что совпадение случайное.

Квартира у нее была маленькая, однокомнатная, купленная в кредит пять лет назад в доме, чьи стены слышимость держали хуже, чем хотелось бы, зато окна выходили на тихий двор, а не на проспект. Обстановку она собирала по необходимости, а не по продуманному замыслу: книжные полки от пола до потолка вдоль одной стены, заставленные справочниками и старыми номерами ботанических журналов вместо художественной литературы. Письменный стол давно стал вторым рабочим местом помимо институтского, а диван служил больше местом, где она засыпала над работой, чем местом, где она действительно отдыхала. Единственным украшением, не имевшим практического назначения, был гербарный лист в рамке над столом, засушенный горный эдельвейс, подарок отца на защиту диплома, тот самый цветок, вид которого давно занесли в Красную книгу. Она хранила его как напоминание, откуда началась ее любовь к растениям, задолго до того, как эта любовь превратилась в профессию, а вовсе не как редкость саму по себе.

Совпадения она не нашла. Нашла кое-что похуже: в собственном архиве, среди отсканированных ею же материалов трехлетней давности, лежал файл, который она не помнила, чтобы открывала. Оцифрованная страница какой-то рукописи, подписанная в свойствах файла просто «arch_ref_04», без источника, без даты сохранения, кроме автоматической служебной метки.

На странице было растение, нарисованное так, будто его срисовали со сна.

Она проверила свойства файла внимательнее, кликая по вкладкам, которые обычно не открывала никогда: дата создания совпадала с периодом, когда она собирала материалы для той самой статьи. Но папка, в которой файл лежал, называлась общим словом «разное», куда она годами скидывала все, что не успевала рассортировать сразу. Она проверила почту за тот период, искала слово «манускрипт», слово «рукопись», любое письмо с вложением похожего формата. Ничего не нашлось. Проверила облачное хранилище, историю синхронизации, даже старый внешний диск, валявшийся в ящике стола без дела уже год. Файл существовал только в одном месте, без цепочки, без источника, будто возник в папке сам по себе.

Яна долго смотрела на экран, чувствуя, как по спине ползет холодок, не страх еще, а то предчувствие, что бывает перед тем, как понимаешь, что случайностей вокруг оказалось слишком много для одной случайности. Она грызла ноготь на указательном пальце, не замечая этого, пока не почувствовала слабый привкус крови, и только тогда отдернула руку ото рта. За окном квартиры город уже зажигал вечерние огни, кто-то снизу заводил машину, обычные звуки обычного четверга, и на их фоне собственная растерянность казалась особенно неуместной, будто она одна во всем доме заметила трещину в стене, которую никто больше не видит.

Она закрыла ноутбук, решив, что займется этим на выходных, когда будет время разобраться толком, а не урывками между работой и звонками отцу.

На выходных она не вспомнила. Жизнь, как обычно, оказалась плотнее, чем планы.

Глава 6

Отец жил в сорока минутах от нее, если без пробок, и Яна ездила к нему по субботам, план, который она себе установила сама и от которого не отступала, даже когда суббота выпадала на день, когда хотелось только лежать и ни с кем не разговаривать. Квартира его почти не менялась с тех пор, как она сама выросла и съехала: те же полки с инструментами вдоль стены в бывшей ее комнате, те же часы без стрелок на стене, которые он все обещал починить и так и не собрался. Тот же запах канифоли вьелся в мебель настолько, что не выветрился даже после того, как руки перестали слушаться достаточно для пайки.

Мать Яны умерла, когда Яне было четырнадцать, быстро, в течение одной страшной зимы. Отец, вместо того чтобы искать утешения на стороне или в разговорах, ушел с головой в руки: паял, чинил, разбирал и собирал заново все, что попадалось под руку, соседские утюги, старые радиоприемники, часовые механизмы, которые чинить никто не просил, но которые он все равно приводил в порядок просто ради самого процесса. Яна тогда была слишком юна, чтобы понимать, что отец не чинит вещи, а собирает себя заново теми же неторопливыми, методичными движениями, но повзрослев, разглядела в этом узор, слишком похожий на собственную привычку теряться в работе, чтобы быть случайностью.

В эту субботу он сидел на кухне и правой рукой, той самой, что после инсульта два года заново училась держать вилку, аккуратно чистил яблоко. Слишком медленно, с той сосредоточенностью, с которой раньше делал вещи куда более сложные, паял платы, чинил соседям утюги, разбирал часовые механизмы просто ради удовольствия понять, как они устроены.

— Звонил в клинику сегодня, — сказал он, не поднимая глаз от яблока. — Сказали, новую партию обещанного препарата отложили. Снова.

— На сколько?

— Не уточнили. — Он наконец посмотрел на нее, и в этом взгляде не было упрека, только усталость человека, который слишком долго ждет вещи, которую ему обещали, но не может пообещать себе точную дату. — Ты не переживай, я привык.

Она не хотела, чтобы он привыкал. Привычка к ожиданию была ровно тем, что убивало быстрее, чем сама болезнь: покорное согласие на то, что чего-то может и не случиться, и это нормально, с этим можно жить.

Она знала фармакологию этого препарата лучше, чем сотрудники клиники, которые звонили ему с извинениями. Знала, что действующее вещество получали из растения, встречавшегося в природе только в узкой полосе высокогорья, и что три года назад тот единственный дикий участок, откуда бралось сырье, погиб при оползне, спровоцированном необычно сильными дождями. Синтетический аналог, над которым бились две лаборатории параллельно, до сих пор давал побочные эффекты, делавшие его непригодным для длительного приема.

Она знала это не из добросовестности исследователя. Она знала это, потому что искала замену сама, вечерами, урывками, читая статьи, которые давно вышли за пределы ее прямой специализации, потому что никто другой, кажется, не искал этого с такой же настойчивостью. А те, кто искал, делали это в рамках грантов с горизонтом в пять лет, тогда как у отца горизонт измерялся не годами исследований, а количеством дней, когда правая рука еще слушалась достаточно, чтобы держать вилку.

— Как твоя работа? — спросил он, меняя тему с той деликатностью, с которой обычно уводил разговор от себя, когда чувствовал, что дочь снова уходит в свои расчеты вместо того, чтобы просто посидеть рядом.

— Обычно. — Она не стала рассказывать про странное письмо с плато и про файл в архиве, который до сих пор не открыла заново. Рассказывать об этом означало бы признать, что она уже дважды за неделю ловила себя на мысли, не связанной с работой напрямую, а с

чем-то похожим на предчувствие, а предчувствиями с отцом делиться не хотелось, ему хватало своих поводов для тревоги.

Он дочистил яблоко, разрезал на дольки той же медленной, методичной правой рукой, и протянул ей одну, не спрашивая, хочет она или нет, привычка из ее детства, когда яблоко на двоих было ритуалом более важным, чем сами слова, которыми они обменивались за столом.

Ритуал этот начала не она и не отец, а мать, задолго до того, как Яна научилась запоминать себя саму настолько ясно, чтобы отличать собственные воспоминания от чужих пересказов. Мать всегда чистила яблоко одной длинной спиралью, не разрывая кожуру, и маленькая Яна следила за этим завороченно, ожидая момента, когда спираль наконец упадет на стол целиком. Потом получала свою дольку с тем же жестом, тем же движением руки от матери к дочери, что теперь повторял отец, только более медленно, более осторожно, будто боялся, что рука подведет его на середине жеста. Она не помнила, чтобы кто-то из них двоих специально решил продолжать эту привычку после того, как матери не стало. Ритуал просто перешел от одного родителя к другому сам собой, без слов. Яблоко на двоих служило способом сказать друг другу то, для чего оба не находили слов ни тогда, ни теперь, а вовсе не простым угощением.

Она взяла дольку и подумала о том, что ищет замену лекарству уже два года. Каждый месяц ожидания забирает у нее не абстрактное время, а конкретную субботу, конкретный разговор про яблоко, конкретную возможность, что в следующий раз рука его подведет настолько, что и яблоко чистить станет некому.

— Знаешь, — сказал отец, глядя в окно, — я вот думаю, может, это к лучшему, что я так долго учусь заново эту руку слушаться. Не торопясь. Не как в двадцать лет, когда все хотелось сразу.

— Почему к лучшему?

— Потому что то, что делаешь не торопясь, обычно делаешь надежнее. — Он усмехнулся, будто сам не до конца верил в собственную мудрость, произнесенную вслух. — А то, что торопишься, потом часто приходится переделывать.

Она промолчала, потому что не знала, как сказать ему, что у нее самой времени на надежность, кажется, оставалось все меньше. Торопиться было ровно тем, чему учила ее вся ее работа последних лет: успеть раньше, чем очередной участок сырья погибнет при очередном оползне, раньше, чем очередная лаборатория закроет очередной проект за неактуальностью.

Уходя в тот вечер, она задержалась у двери своей бывшей комнаты, глядя на полки с инструментами, которыми отец не пользовался уже два года, но так и не убрал, будто оставлял их на месте не из сентиментальности, а из упрямой веры, что руки еще вспомнят прежнюю сноровку. Она не стала ничего говорить об этом, просто поцеловала его в щеку на прощание чуть дольше обычного и пообещала приехать в следующую субботу, как обещала каждый раз, зная, что обещание это единственное, что действительно в ее власти сдержать.

Глава 7

Серая точка на карте Марка перестала быть серой в среду утром, около одиннадцати, когда региональный эпидемиолог, тот самый, с усталым голосом, прислал не письмо, а запрос на срочный звонок, минуя все промежуточные инстанции.

— У нас седьмой случай, — сказал он, едва Марк снял трубку, без предисловий. — Все с той же реакцией. Двое в тяжелом состоянии.

— Общий источник заражения установлен?

— Все семеро так или иначе связаны с экспедицией на плато, либо сами были в составе, либо контактировали с образцами и оборудованием, которое оттуда вернулось.

Марк переключил карту на втором мониторе на детальный вид, увеличил регион вокруг плато, посмотрел на список населенных пунктов в радиусе ближайших ста километров. Список был короткий, но не пустой, три поселка, одна база геологов, вахтовый городок нефтяников, суммарное население которых, по последней переписи, едва превышало полторы тысячи человек. Цифра, которая две недели назад казалась ему статистически незначимой, а теперь начинала выглядеть иначе, стоило представить эти полторы тысячи не строкой в таблице, а конкретными семьями за завтраком.

Он набрал номер администрации ближайшего поселка, скорее по наитию, чем по протоколу, и через несколько гудков услышал женский голос, усталый и настороженный, привыкший, вероятно, к звонкам из района только с плохими новостями.

— Администрация, слушаю.

— Добрый день. Меня зовут Марк Игнатьев, я из региональной структуры, курирую эпидемиологическую обстановку вокруг плато. Хотел уточнить, знают ли жители о ситуации с экспедицией.

— Знают. — Голос на том конце стал жестче. — У нас тут все друг друга знают, вы в курсе. Двое из семерых заболевших наши, местные, работали на базе геологов подработку брали. Люди спрашивают, что делать, а мне нечего им ответить, кроме того, что написано в вашей сводке, а там одни общие слова.

— Что вы говорите людям сейчас?

— Говорю, мойте руки, не трогайте образцы, если кто привозил, следите за температурой. — Пауза. — Честно скажу, звучит не очень убедительно, когда сама не понимаю, от чего именно мою руки.

— Локализация?

— Пока да. Но у меня нет уверенности, что так будет и завтра. Инкубационный период мы толком не понимаем, у первых заболевших симптомы проявились через два дня, у последнего, кажется, счет пошел на часы.

Марк записал это отдельной строкой, подчеркнул дважды, привычка, которая у него появлялась только когда данные переставали укладываться в спокойный протокол.

— Что с идентификацией возбудителя?

— Ничего нового с прошлого раза. Панели не узнают. Секвенирование в процессе, но местная лаборатория не справляется с объемом, нужно передавать материал в центральный институт, а это минимум трое суток на логистику с учетом расстояния и погоды.

Марк на секунду замолчал, глядя на карту, на серую точку, которая после его же собственного распоряжения из главы про плато две недели назад так и осталась серой в общей сводке, потому что тогда данных для эскалации формально не хватало.

— Я поднимаю статус региона до желтого, — сказал он. — Официально, в сегодняшней сводке. И запрашиваю ускоренную логистику для образцов через военный борт, если гражданская почта не успевает.

— Это выше моих полномочий согласовывать.

— Знаю. Согласовывать буду я.

Он положил трубку и еще какое-то время сидел неподвижно, барабанил пальцами по столу быстрее обычного, прежде чем поймал себя на этом и сцепил руки в замок, как делал всегда, когда чувствовал, что тело реагирует раньше, чем он успевает продумать следующий шаг рационально.

Поднять статус региона означало запустить цепочку, которую он знал наизусть, потому что сам был частью структуры, которая эту цепочку выстроила. Уведомление вышестоящему руководству. Формирование оперативной группы. Первые вопросы от прессы, которых пока не будет, но которые появятся, стоит только официальному статусу измениться, потому что журналисты мониторили такие сводки внимательнее, чем хотелось бы структуре.

Он написал служебную записку, короткую, по существу, и в графе «рекомендованные меры» указал не только логистику по образцам, но и предварительное ограничение перемещения между поселками в радиусе ста километров. Понимал, что эта строчка вызовет сопротивление на уровне регионального руководства, которое не любило ограничений без стопроцентно подтвержденного диагноза. В обоснование он добавил короткую справку, вспомнив случай, который изучал еще в институте на курсе особо опасных инфекций. В 2014 году французские ученые под руководством Жан-Мишеля Клавери оживили вирус, названный *Pithovirus sibericum*, извлеченный из сибирской вечной мерзлоты, где тот пролежал не менее тридцати тысяч лет. А в 2023 году та же команда обнаружила и оживила еще несколько древних вирусов из того же региона, самому старому из которых оказалось почти сорок восемь с половиной тысяч лет. Марк процитировал этот случай в записке одной строкой, «прецедент высвобождения живых биологических агентов из вечной мерзлоты уже задокументирован и не является гипотетическим сценарием», понимая, что вряд ли это изменит решение, но не в силах не попытаться хотя бы так.

Записку он отправил напрямую своему куратору, минуя обычную очередь согласований, второй раз за две недели нарушая привычный порядок работы, и оба раза из-за одного и того же региона.

Ответ пришел быстрее, чем он ожидал, короткий, сухой: «Принято к рассмотрению. Ограничение перемещения пока не вводим, недостаточно оснований, есть риск паники и репутационных издержек при отсутствии подтвержденного диагноза. Прецедент с вирусами учтен, но касался лабораторных условий и других организмов, прямые аналогии в официальном заключении пока преждевременны. Логистику по образцам утверждаю».

Марк перечитал ответ дважды, задержавшись на фразе про репутационные издержки. Впервые за все годы работы эта формулировка, которую он сам произносил десятки раз на совещаниях как разумный аргумент, прозвучала для него не как здравый смысл, а как отговорка человека, который не видел цифры так близко, как видел их он сам последние два часа.

Он не стал спорить. Не в этот раз, не имея на руках подтвержденного диагноза. Но записал дату и формулировку ответа в отдельный файл, привычка, которую он раньше за собой не замечал, хранить документы не для отчетности, а на случай, если позже придется что-то доказывать, и не был до конца уверен, кому именно.

Глава 8

Весь тот четверг город простоял под низким, неподвижным небом, тем особым межсезонным небом, что не проливается дождем, а просто давит, час за часом, не меняясь ни на тон, ни на градус, будто атмосфера сама не могла решить, разразиться грозой или отступить. Воздух был плотным настолько, что даже обычная ходьба до метро оставляла ощущение духоты, хотя термометр показывал вполне умеренную температуру, и люди на улицах непроизвольно поглядывали вверх, ожидая перемены, которая все не наступала.

Артем позвонил в четверг вечером, голосом более хриплым, чем обычно, и пошутил, что подхватил что-то на работе, наверное, кто-то из коллег заразил, все вокруг то и дело простужаются в межсезонье. Яна знала его пятнадцать лет, с университета, и по этой шутке, брошенной чуть быстрее, чем требовалось, поняла, что он сам не до конца верит собственным словам.

— Температура какая? — спросила она вместо приветствия.

— Тридцать восемь и что-то. Не критично.

— К утру измерь еще раз, напиши мне.

Он написал в шесть утра, одно слово: «сорок». Она была у него через двадцать минут, благо жил он в пятнадцати от нее, домчавшись на красный свет дважды, чего никогда себе не позволяла, и то, что увидела, открыв дверь своим ключом, потому что он не смог дойти до прихожей, испугало ее сильнее, чем сама цифра на градуснике.

Он лежал на диване, укрытый двумя одеялами, и все равно дрожал, кожа блестела от пота, а глаза были мутными, полуприкрытыми, как у человека, который то проваливается в сон, то выныривает из него без всякого ритма. На вопросы отвечал с задержкой в несколько секунд, будто звук доходил до него не сразу. На запястье, там, где кожа тоньше всего, Яна заметила тонкий, ветвящийся рисунок, темнее обычных вен, расплывшийся от локтевого сгиба вверх по предплечью узором, слишком правильным для простого прилива крови. На секунду, прежде чем разум нашел этому разумное объяснение, ей показалось, что она смотрит не на кожу человека, а на лист, снятый крупным планом.

Сам он в эти минуты почти не различал ее голоса как отдельных слов, только как звук, слишком далекий, чтобы складываться в смысл, будто кто-то говорил с ним через толстое одеяло или через воду. Жар шел не снаружи, не с кожи, а откуда-то из самого нутра, словно под ребрами тлел уголь. Каждый вдох забирал этот жар вверх, к горлу, оставляя во рту тот самый металлический привкус старой монеты, о котором позже расскажет консультант. Только Артем в тот момент не мог назвать это привкусом, для него это было просто частью воздуха, частью того, чем стал весь мир за последние несколько часов. Свет из окна казался слишком ярким и одновременно недостаточным, точно комната то приближалась, то удалялась рывками. Собственная рука, которую он поднял, чтобы дотронуться до лба, показалась чужой, слишком тяжелой, слишком медленной, будто команда от мозга к пальцам шла через непривычно длинный, засоренный чем-то путь. Он хотел сказать Яне, что с ним происходит что-то, для чего у него нет слов, что-то, ощущавшееся не как обычная болезнь, а как медленное перетекание в другое, менее устойчивое состояние тела. Но вместо связной фразы вышел только хриплый, невнятный звук, и он снова провалился в ту же вязкую, не приносящую отдыха полудрему.

Скорая приехала быстро, но врач на месте только развел руками после первого осмотра: лихорадка неясной этиологии, госпитализация обязательна, дальше разбираться будут в стационаре.

В приемном покое Яну не пустили дальше регистратуры, и она провела там почти три часа, глядя на часы, отвечая на звонки родителей Артема, которые жили в другом городе и от паники говорили одновременно оба в трубку, перебивая друг друга. Она отвечала им спокойным голосом, тем самым, которым сама не верила ни одному собственному слову.

К вечеру ее наконец пустили в отделение, и врач, молодой, с темными кругами под глазами, признался ей прямо, без обычной больничной уклончивости. Вероятно потому, что она представилась как специалист смежной области, а не просто как знакомая, он решил, что с ней можно говорить не так, как с обычными родственниками.

— Мы прогнали весь стандартный набор, — сказал он. — Бактериальные, вирусные панели, паразитарные тесты. Ничего не совпадает даже частично. Как будто организм реагирует на что-то, чего в базах нет вообще. Одно я вижу по всем семи случаям: острый криз держится сутки-двое, потом состояние стабилизируется, тяжелое, но управляемое на аппаратах. Словно дальше оно просто ждет. И еще одно, чего я не могу вписать ни в одну графу истории болезни: от кожи в разгар криза идет запах, сладковато-металлический, точно во рту слишком долго держат старую медную монету, с легкой кислинкой под этим, как перед обмороком. Медсестры уже несколько раз спрашивали друг у друга, не мерещится ли им это, но запах чувствуют все до единого, только сказать о нем вслух решаются немногие.

— А если стандартные панели ничего не находят, что дальше?

— Отправили образцы на метагеномное секвенирование, — сказал он. — Метод не требует заранее знать, что ищешь, читает вообще весь генетический материал в образце подряд, а потом уже сравнивает найденное с базами данных. Если возбудитель действительно чем-то принципиально новым окажется, этот метод хотя бы теоретически способен его увидеть, даже без совпадения с чем-либо известным. Просто это не быстро и не дешево, и результаты раньше, чем через несколько недель, ждать не приходится, а у нас уже семь случаев за считанные дни.

— Это же не единичный случай, — сказала Яна, вспомнив письмо с плато, вспомнив снимок прожилок, который так и не открыла заново за прошедшую неделю. — Я слышала про похожее с севера.

Врач посмотрел на нее внимательнее.

— Вы слышали верно. Нас предупредили сегодня утром, что регион подняли до желтого статуса, и что нужно передавать все подобные случаи в централизованную сводку. Ваш друг седьмой у нас в городе за сутки, и, честно говоря, я не знаю, седьмой ли по счету вообще, или просто седьмой, о котором мне доложили.

В коридоре, пока Яна ждала, когда ей разрешат зайти в палату, к ней подошел мужчина лет шестидесяти, представившийся Виктором Аркадьевичем, консультантом, которого экстренно вызвали из института инфекционных заболеваний. Стандартная схема не работала уже третьи сутки подряд по всей цепочке случаев, а он занимался редкими и атипичными формами последние двадцать лет. Говорил он с легким, почти стершимся южным акцентом, растягивая некоторые гласные чуть дольше, чем принято. На лацкане его пиджака, потрепанного и явно не менявшегося много лет, держался значок какого-то давнего медицинского конгресса, настолько старого фасона, что сама эта деталь выдавала человека, для которого профессия значила больше, чем внешний вид или карьерный рост.

— Вы ему кто, родня? — спросил он так, будто просто графу в бланке заполнял.

— Близкий друг. Я ботаник, работаю с высокогорной и приполярной флорой.

Что-то в его лице изменилось, едва заметно, словно она случайно произнесла пароль, который не собиралась произносить.

— Флорой, — повторил он и точно пробу снял голосом. — Тогда, может, вы и есть тот самый человек, с кем стоит поговорить не для галочки, а по-настоящему.

Он огляделся, будто проверяя, не слышит ли кто лишний, хотя коридор был почти пуст.

— Двадцать три года назад было похожее. Поменьше размахом, вспышка в одном районе, списали на редкую инфекцию, а куда еще спишешь, если объяснения нет. Тогда один исследователь ко мне приходил, имя вам ничего не скажет, все пытался эту хворь с манускриптом Войнича связать. Слыхали про такой?

— Слышала, — сказала Яна осторожно, чувствуя, как земля под ногами едва заметно смещается, тем самым чувством, что бывает, когда две несвязанные вещи в голове вдруг оказываются одной вещью. — Средневековая рукопись, ее никто не может расшифровать.

— Его тогда на смех подняли. И я смеялся вместе со всеми, чего уж скрывать. — Он посмотрел в сторону палаты, где за стеклянной дверью лежал Артем, подключенный к капельнице, и голос его сел, без всякого театра, просто от усталости. — Теперь жалею об этом куда больше, чем готов сказать на комиссии.

Яна ничего не ответила. Она смотрела через стекло на Артема, на его лицо, знакомое пятнадцать лет, ставшее за одну ночь чужим от бледности и пота. И думала о файле в собственном архиве, который так и не открыла, о рисунке растения, срисованного будто со сна, и о том, что случайностей вокруг действительно набралось слишком много для одной случайности.

Глава 9

Оказалось, что манускрипт можно скачать за две минуты.

Яна нашла его в тот же вечер, вернувшись из больницы, не сумев уснуть, с ноутбуком на коленях в темной кухне, где свет экрана резал глаза сильнее обычного после суток без сна. Сайт библиотеки редких книг выглядел скучно, по-университетски аскетично, без всякого налета тайны, которого она подсознательно ждала после слов консультанта в больничном коридоре. Оцифрованная версия манускрипта лежала в открытом доступе, все двести сорок страниц, в высоком разрешении, доступная любому, у кого есть интернет и пять минут терпения на загрузку.

Она не удержалась от смеха, короткого, невеселого, того, что вырывается не от радости, а от абсурдности ситуации: шестьсот лет тайны, десятки исследователей, военные шифровальщики, нобелевский лауреат. И ответ, если он вообще был ответом, все это время лежал в открытом доступе, просто никто не смотрел на него как на рабочий документ, а не как на курьез для любителей загадок.

Она пролистывала страницы медленно, не выхватывая нужное, а вглядываясь в книгу целиком, страницу за страницей, как не позволяла себе прежде, торопясь либо к конкретному фрагменту, либо к очередному сроку.

Травник открывался первым, десятки растений, ни одно из которых не совпадало полнотью ни с одним известным ей видом. Хотя отдельные детали, форма листа тут, изгиб корня там, казались до странности узнаваемыми, будто художник рисовал не выдумку, а нечто виденное лично, просто в состоянии, недоступном обычному ботанику. Она уже знала из статей, что палеографы насчитали в рукописи не меньше пяти разных рук, и честно попыталась разглядеть эту разницу сама, вглядываясь в буквы страница за страницей. Но для нетренированного глаза почерк выглядел ровным и одинаковым от начала до конца, и она сдалась после десятой попытки, признав, что это умение, доступное специалисту, а не ей.

Дальше шел астрономический раздел, круглые диаграммы, зодиакальные символы вперемишку со звездами, названными не по-латински и не по-арабски, а каким-то собственным, никому не известным именем. В центре каждого круга, среди лучей и надписей, стояли обнаженные женские фигуры, держащие звезды на вытянутых руках, будто поддерживая небо на своих плечах.

Самый странный раздел шел третьим: десятки обнаженных женщин, соединенных изогнутыми трубами и потоками, купающихся в бассейнах, чья вода на некоторых страницах была подкрашена зеленым, словно художник хотел передать не чистую воду, а нечто в ней растворенное. Она читала о десятках версий, предложенных за век изучения, от лечебных ванн и горячих источников до алхимических процессов и женского здоровья, ни одна из которых не была принята единогласно. Глядя на переплетение труб, поймала себя на мысли, что сама уже видит в этом не загадку ради загадки, а зашифрованный процесс, вымачивание, перелив, время, просто записанный языком, для которого во времена автора не существовало других слов.

Рецептурный блок в конце выглядел скромнее прочих, короткие абзацы плотного текста рядом с маленькими схематичными звездочками на полях, будто автор, дойдя до самого практического раздела, наконец позволил себе меньше иллюстраций и больше собственно записи.

На сорок третьей странице она замерла.

Растение на экране было тем же самым, что и в файле «arch_ref_04» из ее собственного архива. Не похожим. Тем же самым, вплоть до трещины на пергаменте в правом верхнем углу.

Она открыла оба файла рядом, наложила один на другой в редакторе изображений, просто чтобы убедиться окончательно, хотя убедиться уже было не в чем. Совпадение было сто процентным. Кто-то, три года назад, сохранил ей на компьютер именно эту страницу ману-

скрипта, без подписи, без источника, и она сама об этом не помнила совершенно. Она перерыла всю переписку за тот месяц, все папки на рабочем компьютере, спрашивала себя, не могла ли скачать файл сама, случайно, по ссылке из чужой статьи, и не находила ответа, который устроил бы ее рациональную часть сознания.

Печатать двести сорок страниц на домашнем принтере посреди ночи не имело смысла. Картриджа на такой объем точно не хватило бы. Она отложила это на утро, мысленно занеся в список дел то, что теперь казалось важнее всего остального: первым делом в институте распечатать манускрипт целиком, вместе с уже переведенными фрагментами. На нормальном лазерном принтере лаборатории. Чтобы наконец работать с бумагой, раскладывая страницы рядом, а не листая их одну за другой на маленьком экране, где сравнивать детали между разделами было почти невозможно.

Утром, прежде чем заняться чем-либо еще, она заперлась в лаборантской, где стоял единственный на этаже принтер, способный печатать в цвете без экономии тонера. Запустила файл на печать целиком, не разбивая на части. Машина загудела ровным, деловитым звуком, вытаскивая страницу за страницей с равными промежутками. Яна осталась стоять рядом, забирая листы прямо из лотка, один за другим, будто боялась пропустить момент, когда на бумаге проступит что-то, невидимое на экране.

От свежих листов пахло горячим тонером и нагретой бумагой, тем характерным, почти больничным запахом, что источают принтеры после долгой непрерывной работы. К сороковой странице этот запах пропитал весь маленький кабинет настолько, что она невольно приоткрыла форточку, хотя на улице моросил холодный утренний дождь. На полутора сотнях страниц принтер поперхнулся, зажевав лист где-то в глубине механизма. Яна, вполголоса ругаясь, минут десять выковыривала мятую, порванную с одного края бумагу пинцетом, найденным в соседнем шкафу, прежде чем машина согласилась продолжить работу с того же места.

К концу печати на столе выросла толстая стопка теплых, чуть покоробленных от нагрева листов. Яна сразу же распечатала все заново вторым комплектом, рассыпью, без переплета. Для рабочих нужд команды листы придется постоянно перекладывать, сравнивать, раскладывать в разном порядке. Куда удобнее было бы делать пометки прямо поверх текста, обводить, подчеркивать, оставлять заметки на полях, не боясь испортить единственный экземпляр. Первый, уже готовый комплект она отложила отдельно, чтобы он остался чистым. На него ушел еще час: пробить дыроколом, сшить страницы в самодельный переплет через пластиковую пружину, одолженную у секретаря кафедры. Переплетала страница за страницей, в том же порядке, в каком они шли в оригинале, включая пустые развороты и обрывки текста на полях, которые другой на ее месте, возможно, не стал бы утруждать себя переносить.

Готовую книгу она подняла двумя руками. Вес ее, простой физический вес нескольких сотен листов бумаги, спрессованных в единый том, отозвался в теле неожиданно сильно, почти торжественно. Будто не копия легла ей в ладони, а сам оригинал, невозможным образом перенесшийся сюда через шестьсот лет и через океан, минуя стеклянную витрину американской библиотеки, минуя всех хранителей и все правила обращения с редкостями. Она понимала разумом, что держит обычную распечатку, сделанную за один заурядный вторичный час на лабораторном принтере. Но руки, чувствовавшие тяжесть переплета, знали что-то другое, более древнее, чем разумное понимание: книга, однажды написанная и однажды спрятанная, рано или поздно находит способ снова оказаться в чьих-то руках, готовых наконец ее прочитать.

Утром она написала консультанту из больницы, представившись и напомнив о разговоре в коридоре, спросила прямо: как звали исследователя, о котором он говорил, того, что двадцать три года назад пытался связать манускрипт с похожей вспышкой.

Ответ пришел только к вечеру, короткий, извиняющийся за задержку, консультант писал, что имя вспомнить не смог сразу, поднял старые записи, нашел упоминание. Но фамилия ока-

залась распространенной настолько, что простой поиск давал сотни однофамильцев, а точных данных о месте работы или институте у него не сохранилось, слишком много лет прошло, слишком много других случаев за эти годы.

Она попробовала зайти с другой стороны, через архивы университетских библиотек, где мог храниться подобный исследовательский материал. Первый запрос ушел в общий каталог с формулировкой максимально широкой, манускрипт Войнича, климатические данные, атипичные вспышки. Вернулся список из трехсот с лишним публикаций, ни одна из которых не выглядела похожей на то, что она искала. Она пролиستала первые пятьдесят строк списка вручную, отсеивая явно нерелевантное, прежде чем поняла, что таким способом уйдет неделя, а времени у нее не было даже на день.

Второй запрос, более точный, по совпадению дат и региона, вывел ее на короткую строку в каталоге, без файла, без доступа, только метаданные: «Материалы личного архива, систематизация приостановлена, статус: закрыт для общего доступа, курирующая структура: [код учреждения]».

Код учреждения она вбила в поиск отдельно и получила название, которое ей ничего не сказало напрямую, обычная государственная структура с длинным официальным именем, занимающаяся, судя по описанию на сайте, координацией биологической и эпидемиологической безопасности на уровне региона.

Она не знала тогда, что именно в эту структуру совсем недавно пришла записка с рекомендацией ограничить перемещение вокруг плато. Записку отклонили с формулировкой про репутационные издержки. Не знала и того, что человек, подписавший согласование о приостановке систематизации архива предшественника несколько недель назад, даже не открыв опись целиком, работал в том же здании. Сейчас, за несколько этажей от своего кабинета, он координировал ответ на кризис, который сам не до конца понимал, насколько близко подошел к его личной истории.

Она отправила официальный запрос на доступ к архиву, заполнив форму с указанием причины, «исследовательская необходимость в связи с текущей эпидемиологической ситуацией». В графе контактного лица от структуры она увидела строчку автоматической переадресации, длинную, с несколькими фамилиями через запятую, среди которых мелькнуло имя, показавшееся смутно знакомым.

Она не сразу вспомнила, откуда. Потом вспомнила: конференция, третий ряд, человек, который поймал ее на противоречии в третьем пункте протокола.

— Ну конечно, — сказала она вслух, пустой кухне, усталости, отсутствию сна третьи сутки подряд. — Ну конечно это будет он.

Глава 10

За окном кабинета едва рассвело, серое, невыразительное утро, из тех, что не запоминаются сами по себе, только по тому, что в них произошло. Утренняя сводка легла на стол Марка в семь пятнадцать, на сорок пять минут раньше обычного, что само по себе было сигналом: дежурный аналитик, формировавший сводку, тоже почувствовал, что дело не терпит обычного расписания.

Город, который две недели назад существовал в его карте только как точка на периферии зоны желтого статуса, теперь занимал в отчете отдельный раздел. Семь подтвержденных случаев за последние трое суток, три в тяжелом состоянии, один, отмеченный отдельной строкой, с указанием, что пациент представляет особый интерес для консультанта из института инфекционных заболеваний, вызванного накануне.

Марк прочитал раздел дважды, отметил про себя, что впервые с начала истории с плато цифры перестали быть абстракцией из другого региона и превратились в город, где у него самого была назначена встреча на следующей неделе, до которой, вероятно, дело уже не дойдет.

Он поднял статус координации до личного участия, что означало ежедневные звонки напрямую с местными службами, минуя промежуточные доклады. Первый такой звонок дался ему тяжелее, чем он ожидал: главный врач городской больницы говорил быстро, перескакивая с одного пациента на другого, называя фамилии, которые для него были живыми людьми, а для Марка пока оставались строчками в таблице.

— У нас нет коечного фонда для изоляции такого масштаба, если случаи продолжают расти в этом темпе, — сказал врач. — И у нас нет протокола лечения. Симптоматическая терапия, и то на ощупь.

— Сколько коек у вас есть сейчас?

— Двенадцать в инфекционном отделении, еще шесть можно освободить, перепрофилировав терапию, но это займет два дня минимум, оборудование, персонал, все нужно переставлять заново.

— Начинайте перепрофилирование сейчас, не дожидаясь моего официального распоряжения, я оформлю его задним числом. Два дня промедления мы не можем себе позволить при таком темпе.

— Что с идентификацией?

— Консультант считает, что дело может быть связано с чем-то не из стандартных баз вообще. Он вчера полдня провел с одной из родственниц пациента, ботаником, кажется, они что-то обсуждали про манускрипт какой-то, я, честно, не вникал, у меня семь тяжелых случаев на руках.

Марк записал слово «манускрипт» в блокнот, не понимая пока, почему рука сама потянулась это записать, кроме смутного ощущения, что слово прозвучало не к месту в разговоре о протоколах лечения, слишком литературно для медицинской сводки.

Ближе к обеду ему на подпись пришла пачка входящих запросов на доступ к закрытым архивным материалам, рутина, которую он обычно просматривал по диагонали. Девяносто процентов таких запросов были формальностью, студенты, аспиранты, журналисты с преувеличенным представлением о собственной значимости. Он листал список фамилий, готовый штамповать отказы или согласования по накатанной схеме, когда наткнулся на строку с формулировкой причины запроса: «исследовательская необходимость в связи с текущей эпидемиологической ситуацией». Рядом с ней стояло имя, которое он не ожидал увидеть в этом списке.

Яна.

Он откинулся на спинку кресла, глядя на экран дольше, чем требовалось для простого рассмотрения заявки, и почувствовал что-то среднее между удивлением и тем неприятным

холодком, что бывает, когда две части одного дня, которые он держал в голове отдельно, вдруг оказываются связаны. Служебная сводка про манускрипт из уст врача и личное имя из совсем другой части его жизни сошлись в одной строке, а он еще не понимал, как именно.

Архив, к которому она запрашивала доступ, значился в реестре под грифом, который Марк узнал сразу. Несколько недель назад он сам подписывал согласование о приостановке его систематизации, бегло, не вчитываясь в опись, один из десятков подобных документов, прошедших через его стол в тот день.

Он открыл старое согласование, перечитал собственную подпись, дату, короткое обоснование: «материалы признаны неактуальными для текущих исследовательских задач, содержание не представляет практической ценности».

Он не помнил, чтобы читал опись целиком. Он помнил только реестр, беглый просмотр строк, имя, показавшееся смутно знакомым и тут же забытое.

Марк не одобрил и не отклонил заявку Яны в тот день. Оставил ее висеть без движения, что само по себе было нарушением регламента, требовавшего ответа в течение трех рабочих дней. Попытался вспомнить, где именно среди тех беглых строчек реестра могло промелькнуть имя, которое теперь казалось ему важнее, чем он готов был признать даже самому себе.

Вечером, уже дома, он поймал себя на том, что открыл в браузере ее институтскую страницу, список публикаций, скучный академический перечень названий про морфологию высокогорной флоры, ничего личного, ничего, что объяснило бы, почему он вообще решил это искать. Он закрыл вкладку через минуту, устыдившись самого жеста, будто это было чем-то неуместным для человека его должности, изучать профиль исследователя, чью заявку сам же держал без движения. Но название одной из статей, «Адаптивные механизмы приполярных видов в условиях резких температурных аномалий», отчего-то засело в памяти. Он поймал себя на мысли, что если бы кто-то спросил его завтра на совещании, о чем эта статья, он, пожалуй, смог бы ответить, хотя не открывал ее и не читал ни строчки.

Глава 11

ПРАГА. 1637 ГОД.

Весна в тот год выдалась поздней и неохотной, снег сходил с крыш медленно, оставляя на булыжнике мостовой темные влажные пятна, что не просыхали неделями из-за низкого, затянутого тучами неба, будто само солнце не спешило браться за работу после долгой зимы. По утрам над Влтавой стоял густой туман, поднимавшийся от еще холодной воды навстречу чуть более тепловому воздуху. Лавка Бареша, стоявшая в двух улицах от набережной, к полудню наполнялась этой сыростью настолько, что сухие травы на полках приходилось переворачивать вдвое чаще обычного, оберегая их от плесени.

Вацлав растирал корень в ступке уже третий час подряд. Пальцы его, юные еще, но уже несмываемо окрашенные у ногтей в темно-зеленый и бурый, стойкий след многолетней работы с соками трав, что не отходил даже после самого тщательного мытья с золой, двигались привычно, почти без участия мысли. Рецепт такой долгой работы не требовал, но хозяин, аптекарь Йиржи Бареш, в очередной раз забыл, что поручил ему эту работу, и ушел наверх, в кабинет, где с прошлой весны проводил больше времени, чем в самой лавке.

Наверху лежала рукопись, которую хозяин называл то величайшей загадкой своего века, то проклятием, смотря по настроению и по тому, сколько писем он в очередной раз отправил в Рим человеку по имени Кирхер, славившемуся ученостью, которая, по слухам, превосходила ученость половины университетов Европы вместе взятых. Ответа, объясняющего хоть что-нибудь, он так и не дождался.

Вацлав рукопись видел лишь однажды, мельком, когда хозяин, не найдя под рукой никого другого, попросил помочь перенести стопку книг с верхней полки в кабинет. Один лист выпал тогда из связки, скользнул на пол между ними, и Вацлав, поднимая его, задержался на секунду дольше, чем требовало простое поручение.

Пергамент был темнее, чем в книгах, которые печатали при его жизни, с той желтизной, что появляется у кожи спустя не одно поколение, и края листа успели истрепаться, местами загнуться, будто книгу многие годы держали неаккуратно, не как драгоценность, а как обычную вещь для чтения. Письмо не было ни латынью, ни немецким, ни чешским, ни одним из языков, что Вацлав хоть немного узнавал по вывескам и объявлениям в городе. Буквы вились странно, петлями, не похожими ни на один алфавит, и с первого взгляда казались скорее украшением, чем текстом, если бы не ровные, убористые строчки, выдававшие руку человека, писавшего это всерьез, а не для красоты. Рисунок растения, выпавший ему на глаза, был раскрашен блеклыми, но когда-то, судя по всему, яркими красками, зелень уже выцвела до серовато-оливкового. Корень внизу листа был выведен с той анатомической дотошностью, какой Вацлав не видел ни в одном травнике за все годы обучения аптекарскому делу, будто художник видел это растение живьем, а не срисовывал с чужого рисунка, как делало большинство травников его эпохи.

Он тогда не придал этому значения, кроме мимолетного удивления мастерством неизвестного художника. У него было достаточно своих забот: хозяин платил скудно, но обучал щедро, а знание трав и составов Вацлав ценил выше денег. Происходил он из семьи, где двое из пятерых детей не дожили до отрочества именно от нехватки такого знания, и с малых лет поклялся себе, что если доживет до собственных детей, они будут в лучших руках.

Спустя месяц хозяин, вернувшись в очередной раз без ответа из Рима, в сердцах бросил на рабочий стол Вацлава несколько листов, копии, снятые его собственной неаккуратной рукой.

— Раз уж Кирхер молчит, посмотри сам, — сказал он раздраженно. — Может, аптекарский глаз увидит то, чего не видит философский.

Вацлав посмотрел не философским глазом, а именно аптекарским, тем самым, которым годами разглядывал корни и стебли, определяя по цвету среза, по запаху, по тому, как крошится сухой лист между пальцами, что перед ним и на что оно годится. И увидел он не шифр, требующий разгадки через грамматику или числа, а нечто более простое и куда более практическое: растения на листах были нарисованы стадиями. Не одно растение, а одно растение в разных состояниях, в разном возрасте, при разной погоде, будто художник хотел показать не облик, а превращение.

Он не сказал об этом хозяину сразу. Скрыть находку он не хотел, просто не был уверен, что хозяин, ученый муж, привыкший искать разгадки в языках и цифрах, воспримет всерьез слова подмастерья про то, что рукопись понятнее глазам человека, всю жизнь растиравшего корни в ступке, чем глазам книжника.

Вечерами, когда лавка закрывалась, а хозяин уходил ужинать к соседям, обсуждать с ними латынь и алхимию за стаканом вина, Вацлав доставал собственную тетрадь, купленную на скромные сбережения, и переписывал листы заново, своей рукой. Он добавлял пометки, которые сам считал важными: какому знакомому растению ближе всего по виду каждая стадия, в какое время года, по его собственному опыту травника, такие превращения обычно случаются. Что могло бы значить сочетание нескольких стадий на одной странице, если читать их не по порядку письма, а по порядку роста.

Ему помогала не ученость, а годы, проведенные в полях и на рынках, среди людей, которые покупали у него травы по нужде, а не ради любопытства, и рассказывали, что помогло, а что нет, обычные разговоры простых покупателей, из которых он собирал знание точнее любого университетского трактата.

Одна такая покупательница, жена сапожника с соседней улицы, пришла в лавку в тот же месяц с жалобой на затяжной кашель у младшего сына, и Вацлав, слушая ее описание симптомов, вспомнил одну из стадий на рисунках манускрипта, ту, что изображала растение с особенно плотной, свернутой листвой.

— Собери такую же траву, как эта, — сказал он, показывая ей пучок сушеного шалфея, — но не срежай стебель целиком, а только верхние листья, до того как роса сойдет. Заваривай с медом, три раза в день, пока кашель не отпустит.

Женщина послушалась, вернулась через неделю с благодарностью и медовым пирогом. И хотя рецепт, который он дал, был обычным, знакомым любому опытному травнику, сама уверенность, с которой он его назначил, родилась не из старых книг, а из недавнего чтения манускрипта, из понимания, что время сбора меняет силу растения не меньше, чем сам вид.

К концу того же года у Вацлава набралась тетрадь толще, чем все письма хозяина к Кирхеру вместе взятые, и понимания в ней было больше, чем хозяин успел добыть за годы переписки с человеком, чье имя гремело по всей Европе.

Хозяину он тетрадь не показал. Не из тщеславия, а из осторожности, которую перенял у собственного отца, тоже когда-то что-то не поделившего со знатью из-за неосторожно сказанного слова о лечении, не согласовавшемся с церковным пониманием природы человеческих недугов. Знание, добытое простым ремесленником, а не философом с университетским дипломом, легко можно было объявить ересью или колдовством, особенно если оно касалось вещей, о которых сама церковь предпочитала молчать.

Он решил подождать, пока не будет уверен окончательно. Ждать пришлось дольше, чем он рассчитывал.

Глава 12

Игоря она нашла быстрее, чем ожидала, потому что искать не пришлось: он сам написал ей через два дня после того, как она разослала осторожный запрос коллегам, работающим с климатическими данными. Спрашивала, кто занимался реконструкцией температурных циклов для северных широт за последние семьсот лет.

«Занимался, и как раз освободился от проекта на прошлой неделе, — написал он. — Расскажи, зачем тебе это нужно, а то твой вопрос звучит либо как отличная научная задача, либо как повод для беспокойства, и мне интересно, какой вариант правильный».

Она рассказала ему за час разговора почти все, кроме одного: про манускрипт умолчала, оставила только сухую версию про аномальную морфологию растений и подозрение на связь с давним климатическим циклом. Про рукопись расскажет позже, решила она, когда будет уверена, что он не сочтет ее сумасшедшей раньше, чем услышит доказательства.

Игорь оказался человеком, который слушал внимательнее, чем говорил, задавал уточняющие вопросы по существу, а не ради демонстрации собственной эрудиции, и в конце разговора сказал просто:

— Я в деле. У меня как раз есть доступ к базе ледяных кернов и годовичных колец, которую мы собирали три года для другого гранта, финансирование которого, кстати, свернули раньше срока. Приятно будет использовать данные не для полки.

Лену она нашла сложнее. Лингвистов, готовых заниматься мертвыми языками без гарантии результата, оказалось немного, а тех, кто согласился бы бросить текущую работу ради проекта без официального статуса, еще меньше. Первый, к кому она обратилась, пожилой профессор с кафедры сравнительного языкознания, выслушал ее вежливо и так же вежливо отказал, сославшись на возраст и нежелание рисковать репутацией на теме, которую сам называл «кладбищем академических карьер». Вторая, молодая аспирантка, отказалась короче, почти испуганно, будто само упоминание манускрипта Войнича могло запятнать ее диссертацию одним фактом разговора об этом. Яна подозревала, что дело не столько в занятости, сколько в репутации темы: манускрипт Войнича в академических кругах давно стал синонимом безнадёжного дилетантства. Темой, за которую бралась либо молодежь без осторожности, либо чудаки на пенсии без карьеры, которую можно было бы испортить.

Лена согласилась сразу, без раздумий, и объяснила почему в первую же встречу, за столиком университетского кафе, куда пришла с распечаткой чужой статьи, испещренной пометками на полях.

Она куталась в вязаный шарф не по погоде теплого дня, привычка человека, вечно мерзнущего в читальных залах архивов, и на ее пальцах, когда она передавала Яне распечатку, темнели едва заметные разводы чернил, застарелые, вьевшиеся в кожу настолько, что уже не отмывались обычным мылом. От нее пахло старой бумагой и чем-то сладковатым, ванилью, кажется, запах, который Яна позже узнала как аромат ее любимого дешевого кофе из автомата на кафедре.

— Я семь лет пишу диссертацию про структурные аномалии в зашифрованных текстах, — сказала она, — и все семь лет мне говорят, что тема слишком узкая для карьеры. Так что репутационно мне уже нечего терять, а вот шанс наконец применить теорию к чему-то реальному я упускать не собираюсь.

— Даже если реального в итоге не окажется.

— Даже тогда. — Лена улыбнулась, коротко, без наигранности. — Но судя по тому, что ты мне только что показала, оно там есть.

Она отпила кофе, посмотрела на Яну внимательнее, будто решая, стоит ли договаривать дальше.

— Знаешь историю про линейное письмо Б? Микенское греческое письмо, найденное на глиняных табличках, которое сто лет никто не мог прочесть, все были уверены, что это не греческий, слишком чуждой казалась структура. А расшифровал его в конце концов не профессиональный лингвист с кафедрой и учеными степенями, а архитектор-любитель по имени Майкл Вентрис, занимавшийся этим как хобби по вечерам, чисто статистическим анализом повторяющихся сочетаний знаков. Оказалось, это самая ранняя из известных форм греческого языка, просто записанная так, что никто из специалистов не узнал в ней родное. — Она пожалала плечами. — Иногда решение находит не тот, у кого есть регалии, а тот, кто готов смотреть на знаки без готового ответа в голове. Я не архитектор, но семь лет без степени и без карьеры меня, кажется, неплохо подготовили к роли человека без готового ответа.

Квартиру свою, доставшуюся от бабушки в наследство вместе со всей обстановкой, Лена так и не решилась переделать за пять лет проживания. Однокомнатное жилье в старом доме до сих пор хранило вкус чужой, довоенной еще эпохи: тяжелый буфет с потрескавшимся лаком, кружевные салфетки, которые Лена не убирала, хотя сама никогда бы не выбрала их для себя, и старый чемодан на антресолях, набитый письмами и открытками трех поколений семьи. Часть из них была написана обычным почерком, а часть, письма самой бабушки к своей сестре в другой город, велась на странной, полусвоей стенографии, смеси профессиональных значков, которым бабушку обучили на курсах машинисток в молодости, и собственных, ею самой придуманных сокращений.

Лена помнила, как в детстве, гостя у бабушки на каникулах, часами пыталась разобрать эти письма, разложенные по коробкам без всякого порядка, воспринимая расшифровку не как задачу, а как игру, в которой каждое разгаданное слово казалось маленькой личной победой. Бабушка, застав ее за этим занятием, не ругала, а, наоборот, садилась рядом и объясняла значки один за другим. Это дало Лене, тогда еще не подозревавшей о будущей профессии, первое настоящее чувство того, что любой текст, каким бы непонятным он ни казался, был написан живым человеком, у которого была причина писать именно так, а не иначе.

Она показала ей файл «arch_ref_04», совпадение прожилок на снимке с плато, и коротко пересказала слова консультанта из больницы. Лена слушала, не перебивая, делая пометки в блокноте, и в конце сказала то, чего Яна от лингвиста не ожидала услышать вовсе.

— Раздели, которые называют бессмысленными или декоративными, обычно самые информативные, если правильно задать вопрос. Никто до сих пор не задавал вопрос «зачем автору понадобилось прятать смысл так тщательно», все задавали вопрос «как это прочесть», а это разные задачи.

К концу недели у Яны на кухонном столе, том самом, за которым она неделю назад открыла файл манускрипта в темноте, лежали распечатки от троих людей одновременно: ее собственные ботанические заметки, климатические реконструкции Игоря и первые лингвистические наблюдения Лены.

Ни один из троих пока не знал, что где-то в архивном здании, к которому Яна так и не получила доступ, лежат материалы человека, который двадцать три года назад уже прошел большую часть этого пути в одиночку.

Глава 13

Одиннадцать дней перед тем, как Лена принесла первый связный фрагмент, дались тяжелее, чем кто-либо из троих признавался вслух. Лена перебирала десятки ложных гипотез, каждая из которых казалась многообещающей первые несколько часов и рассыпалась при первой же серьезной проверке. Игорь сводил разрозненные климатические ряды из четырех разных источников, ни один из которых изначально не создавался для подобной задачи. Яна, чувствуя себя третьей лишней в чужой профессиональной кухне, тратила эти дни на то небольшое, в чем разбиралась сама, сопоставление ботанических деталей рисунков с реальными видами растений.

На седьмой день Лена ворвалась в кухню в девять утра, не сняв куртки, с ноутбуком под мышкой и лицом человека, не спавшего ночь не от усталости, а от возбуждения.

— Кажется, я нашла закономерность, — сказала она, раскладывая на столе распечатанные таблицы прямо поверх завтрака. — Ротационный шифр, дипломатическая переписка пятнадцатого века, я сопоставила частотность символов с известным ключом, которым пользовались при бургундском дворе. Совпадение почти девяносто процентов по первым трем страницам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.